

СТРАНЫ НАРОДНОЙ ДЕМОКРАТИИ

НОВЫЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ В НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ
БОЛГАРИИ *

В 1947 г. в реорганизованной Болгарской академии наук был создан Институт народоведения (Институт за народоука). В 1949 г. он был переименован в Институт этнографии и в его ведение был передан Этнографический музей. Объединение в составе Академии наук двух этнографических организаций дало возможность сконцентрировать в одном месте квалифицированные кадры этнографов, координировать их работу. Большое значение для развития в стране этнографической науки имело постановление Президиума Болгарской академии наук от 28 V.1953 г., в котором была дана критическая оценка деятельности Института, намечены основные направления дальнейшей этнографической работы. Перед работниками Института и Музея на ближайшие годы поставлены задачи планового этнографического изучения страны, вопросов происхождения болгарского народа, форм семейного и общественного быта, изменений, происходящих в настоящее время в жизни населения, изучения народного творчества¹.

За последние годы Институт этнографии предпринял издание нескольких интересных монографий. В серии «Трудов Института» вышло исследование Ивана Коева, посвященное истории болгарского народного орнамента². Г. Георгиев и В. Николаев в своей совместной работе освещают быт рабочих и состоянии горнодобывающей техники на железных рудниках XVI в.³ Под редакцией Марии Велевой был издан альбом болгарской народной одежды и вышивок⁴. В ближайшее время предполагается продолжение издания периодических «Сборников народного творчества» («Сборник за народни умотворение»).

В конце 1953 г. было предпринято издание нового этнографического журнала «Известия Института этнографии и Музея», центрального теоретического органа болгарских этнографов.

Первая книга «Известий», помимо указанной статьи директора Института академика Романского, включает ряд этнографических работ по материальной культуре и болгарскому народному творчеству.

Статья Марии Велевой представляет исследование национального костюма Котленского края до начала XIX в. и является частью большой монографии автора, посвященной котленской национальной одежде⁵. Статья написана в основном на полевых материалах, собранных автором в 1942, 1946 и 1950 гг. и коллекциях Этнографического музея Болгарской академии наук, а также краеведческих музеев города Котел и сел. Жеравна, Медвен.

Болгарская национальная одежда, очень красочная и разнообразная, издавна обращавшая на себя внимание ученых и художников, получила широкое освещение в болгарской и зарубежной литературе. Первые болгарские этнографы и краеведы уделяли внимание многообразию региональных типов болгарского костюма, дав его описание по отдельным районам и областям. Большую помощь в изучении национальной одежды оказал открытый в 1906 г. Народный этнографический музей, давший возможность специалистам ознакомиться со всем многообразием болгарского народного костюма, сохранивший для последующих поколений сокровищницу народного творчества.

Несмотря на многочисленную литературу по данному вопросу, вся она, как правило, носила описательный характер, частично только затрагивая вопросы общности с одеждой других славянских народов, влияния костюма соседних народов. В основной массе, как отмечает автор, буржуазная литература рассматривала одежду «в отрыве от человека, который ее создает и использует, в отрыве от исторического, экономического и культурного развития населения»⁶.

Котленский край с богатым прошлым, давший стране немало революционных и культурных деятелей эпохи болгарского возрождения, был предметом изучения историков, археологов, географов, экономистов, неоднократно касавшихся в своих работах и этнографии. Автор статьи, тщательно ознакомившись со всей литературой о Котленском крае и используя ее в своей работе, приходит к выводу, что котленская одежда

* «Известия на Етнографски институт с Музей» — орган Института этнографии и Этнографического музея Болгарской Академии наук, кн. I, София, 1953.

¹ Ст. Романски, Етнографски институт с Музей при Българската академия на науките, «Известия на Етнографския институт с Музей», кн. I, София, 1953, стр. 3—8.

² И. Коев, Българската възбена орнаментика. Принос към историята на народния орнамент, София, 1951, (Трудове на Етнографския институт, кн. I).

³ Г. К. Георгиев, Железодобивната индустрия в Мървашко (Планината Алиботуш и съседните ѝ планини); В. Николаев, Големи минни предприятия с български работници в европейска Турция през. 16 в., София, БАН, 1953.

⁴ «Български народни носии и шевници», Альбом, София, 1950.

⁵ М. Велева, Котленската носия от началото на XIX в., «Известия», кн. I, стр. 9—62. В заглавие статьи, видимо, вкралась опечатка, так как в самой статье речь идет о костюме до начала XIX в.

⁶ М. Велева, Указ. соч., стр. 11.

еще далеко не достаточно изучена, в частности, значительный пробел составляет отсутствие ее систематизированного описания. Поэтому уже одно детальное, с новых методических позиций описание костюма в обширном крае за длительный исторический промежуток времени с характеристикой способа его изготовления является ценным вкладом в изучение материальной культуры болгарского народа. Однако автор статьи не ограничивается лишь описательной стороной вопроса, он ставит перед собой задачу не только «собрать данные об одежде в Котленском крае с целью полного и систематического исследования болгарской народной одежды, но и рассмотреть национальную одежду в этом крае в связи с соответствующими изменениями трудовой деятельности и быта населения, с его общественно-экономическим и культурным развитием»⁷.

Изучение народной одежды в непосредственной связи с общими изменениями условий труда, быта, социально-экономической жизни народа дает автору основание наметить несколько этапов в развитии болгарского национального костюма.

Переходя к описанию болгарского костюма XVIII в. на материалах котленской одежды, автор предпосылает ему общую характеристику края, содержащую много интересных сведений для исследователя народного быта. Села Котленского края, расположенные на холмистой местности, вдали от больших дорог, возникают в XVI в., служа, по предположению автора, болгарскому населению убежищем от произвола турок. Население котленских сел различного происхождения, попав в общие географические и экономические условия, переживая общую историческую судьбу, с течением времени складывается в единое этнографическое целое с общим бытом, культурой.

В начале XIX в. овцеводческие села края переживают быстрый экономический подъем, превращаясь в ремесленные и торговые центры.

Исследуя котленский костюм, автор выделяет комплексы женской («женска носия») и мужской одежды («мъжка носия»). В пределах первого комплекса последовательно выделены детская одежда («детско облекло»), костюм девушки («момински костюм»), костюм невесты («невестински костюм»); в пределах второго комплекса — костюм пастуха и костюм пахаря («костюм на овчари и орачи») с последовательной характеристикой детского и мужского костюма. Кроме того, дана характеристика одежды первых котленских поселенцев. Описанным комплексам одежды сопутствует описание процессов ее изготовления, а также описание обуви, прически, украшений, головного убора.

До начала XIX в. одежда изготовлялась в условиях примитивного домашнего производства, отличалась технической простотой исполнения. Основным сырьем для тканей домашней выделки служила шерсть, наряду с этим использовались лен, конопля, хлопок.

В статье дается подробное описание приготовления пряжи и тканей в условиях домашнего производства, где изготовлялась красивая, художественно оформленная материя с рельефным орнаментом. Особого мастерства достигали котленские мастерицы при прядении на вертикальном станке, изготовляя при помощи естественных красителей наряду с одноцветными и цветные ткани. Автор статьи приводит названия растений, из которых добывались естественные красители, и небезинтересные и в наши дни рецепты их приготовления. Главу, посвященную изготовлению одежды, автор заканчивает характеристикой некоторых сопровождающих его обрядов.

Вторая часть статьи содержит описание национального костюма по указанным выше половозрастным группам.

Анализ покроя котленского народного костюма, как устанавливает автор, с одной стороны, вскрывает в нем старинные славянские черты, с другой — указывает на «тесную связь с условиями труда, быта и культуры трудового населения Котленского края того времени»⁸. Женский костюм, изящный, красочный и не стесняющий движений, состоял из белой полотняной, длиной до щиколоток, с широкими рукавами, вышитой туникообразной рубахи («риза») и черного шерстяного или темносинего полотняного без рукавов с треугольным вырезом туникообразного сарафана («сукман»). Костюм дополнялся шерстяным с разноцветными полосами из двух полотнищ фартуком («препска») и поясом из темносиней или цветной шерсти шириной 5—8 см и длиной в несколько метров; поверх рубашки надевалась клинообразная, длиной выше колен шерстяная, имеющая спереди разрез безрукавка.

Старинный мужской костюм из белой шерсти в XVIII в. уступает место новому, состоящему из коричневых шерстяных суживающихся к щиколотке шаровар («потури»), туникообразной из белого льняного полотна с широкими рукавами рубахи («риза»), короткой без рукавов жилетки, шерстяного широкого пояса; зимой обязательной частью одежды являлась бурка («ямурлук»).

Охарактеризованный выше котленский тип национального костюма, делает заключение автор, был близок к юго-восточному типу болгарского костюма и продолжал с небольшими изменениями существовать до конца XIX в.

Заканчивая обзор содержательной статьи Марии Велевой, считаем необходимым сделать ряд замечаний, которые могут быть учтены автором при издании предполагаемой монографии.

Автор в данной статье ставит перед собой трудную, но интересную задачу рекон-

⁷ М. Велева. Указ. соч., стр. 55.

⁸ Там же, стр. 53.

струировать старый котленский костюм, доведя его характеристику до начала XIX в., и одновременно на его примере наметить общие черты болгарского национального костюма за большой исторический период. Помимо описательной задачи, автор ставит перед собой цель выявить связь национального костюма с трудовой деятельностью, показать целесообразность и приспособленность отдельных его частей к трудовому быту котленских овцеводов. Это правильное положение четко сформулировано только в выводах автора, но, к сожалению, теряется в обширной повествовательной характеристике костюма. В общей части статьи автор выдвигает правильное положение, что развитие ремесел и торговли несет с собой проникновение в деревню готовых товаров, которые начинают использоваться крестьянством при изготовлении одежды. Однако при такой характеристике все болгарское крестьянство выступает одноликой массой. Конкретный анализ социального состава населения котленских сел того времени дал бы возможность автору статьи прийти к выводу о том, что в первую очередь начинают тянуться к покупным товарам, прибегать к помощи профессиональных мастеров зажиточные слои крестьянства, которые позднее начнут рабленно заимствовать костюм мещанства и городской буржуазии; в малоимущих семьях продолжает сохраняться домашнее производство.

Приводимый в статье материал относится в основном к XVIII — началу XIX в., когда в Болгарии еще сохраняются отдельные институты патриархального быта, в частности большая семья. Однако в описании изготовления костюма отсутствует упоминание о большой семье, реальном производственном коллективе того времени, и о сельской общине. Описание распределения работы по приготовлению пряжи, тканей и шитью одежды между женщинами семьи, роли старшей женщины в распределении и контроле за работой, описание прядения на посиделках, коллективной помощи соседям малоимущим семьям и т. д. только помогли бы автору, как нам кажется, раскрыть роль трудового коллектива в создании национальной материальной культуры. В статье содержатся иллюстрации отдельных частей костюма, хотелось бы видеть иллюстративную реконструкцию основных половозрастных комплексов котленского костюма.

Вопросам материальной культуры болгарского народа посвящена также статья Веры Венедиковой «Мутафчийское ремесло (обработка козьей шерсти) в Болгарии»⁹.

Целью данной статьи является описание одного из распространенных, но мало исследованных промыслов Болгарии. Статья основана на полевых материалах, собранных автором в центрах распространения мутафчийского промысла — городах Панагюриште, Трявна, Троян, Коларовград (быв. Шумен), Тырново и других. Помимо этого, автором использованы данные анкетного опроса, проведенного Этнографическим музеем, и материалы архива Академии наук по этнографии Добруджи.

Обработка козьей шерсти, ранние сведения о которой относятся к XVIII в., была широко распространена во многих городах Болгарии. Крупнейшим центром, откуда изделия из козьей шерсти распространялись по всей Болгарии и за границу, был город Панагюриште, располагавший до 1878 г. 200 мастерскими, за ним шли города Казанлык, Пазарджик, Пловдив, Шумен. Горные районы Болгарии, где было сильно развито козоводство, служили постоянными поставщиками сырья в указанные города, небогатое население которых в мутафчийстве искало дополнительных заработков. В 80-х годах XIX в. в связи с ввозом из-за границы промышленных товаров и развитием национальной промышленности мутафчийский промысел начинает клониться к упадку.

Автор статьи на большом и разнообразном материале дает описание мутафчийских мастерских, организации работы в них, процесса обработки шерсти, продукции мутафчийского производства. Прядение и ткачество этнографически мало изучены. Поэтому подробное описание последовательных процессов обработки козьей шерсти (сортировка и терение — «отбирание», или «трёбенето», прядение — «предене», ткачество — «тыкане», окраска — «боядисването») и устройства прядильного и ткацкого станков представляет большой интерес для исследователя данной проблемы.

Текст сопровождается многочисленными иллюстрациями, дающими наглядное представление о мутафчийском ремесленном производстве. Особое внимание автор уделяет описанию получившей распространение в мутафчийском промысле в конце XIX в. технике цветного ткачества, приводя названия отдельных сочетаний цветов. Мутафчийское производство, во всех процессах которого были заняты только мужчины, поставляло на рынок ковры, дорожки, подстилки, попоны, пуги, вожжи, покрывки для шалашей, торбы, переметные сумы, мешки и было связано с особой профессиональной организацией ремесленников. Автор приводит подробную, крайне интересную характеристику цехового устройства ремесленников, занятых в мутафчийских промыслах, организации обучения ремеслу учеников, сопровождая это описанием празднования дня цехового патрона на примере цеха мутафчиев г. Панагюриште и цеховым уставом мутафчиев г. Тырново. В статье содержатся также интересные материалы по организации продажи продукции мутафчийских промыслов.

Наряду с продажей (или обменом на продукты и сырье), производимой самими ремесленниками, существовала широко развитая торговля с помощью торговцев-посредников («гизиджите»). К сожалению, автор совершенно не останавливается на

⁹ В. Венедикова, Мутафчийский занят в България, «Известия», кн. I, стр. 63—139.

эксплуататорской роли этих посредников, продававших ремесленникам сырье, скупавшиеся за бесценок у крестьян, и поставлявших последним готовую продукцию.

В связи с развитием в стране промышленности и торговли, железных дорог, а также уменьшением емкости внутреннего рынка понижается спрос на товары мутафчийского производства. Мутафчи, стремясь сохранить свои промыслы, вынуждены были идти на ряд нововведений в производстве. Автор специально останавливается на состоянии мутафчийского производства в начале XX в. К сожалению, в статье остается слабо освещенным вопрос о состоянии мутафчийского производства в Народной Республике Болгарии, где народные промыслы, получив поддержку от государства, переживают эпоху своего возрождения.

Болгарская буржуазная фольклористика уделяла большое внимание собиранию и изучению народных песен. Начиная с 1889 г., народные песни регулярно публиковались в «Сборнике народного творчества», издаваемом Болгарской академией наук.

Однако буржуазная болгарская фольклористика рассматривала народное творчество как музейную древность, которую нужно сохранить для потомства. Видные литературоведы и поэты того времени, Пенчо Славейков и другие, занимавшиеся проблемами народного творчества, придерживались взгляда, что устное народное творчество не имеет перспектив для своего развития и обречено на вымирание как один из атрибутов уходящего в прошлое старого быта. Буржуазная наука не сохранила нам, за небольшим исключением, биографий народных певцов, исследований процессов их творчества, а в ряде случаев и их имен. В 1892 г. в Пловдиве был созван съезд народных певцов, в котором приняло участие около 120 человек. Это большое событие в культурной жизни страны, которое могло бы дать интересный материал для этнографов и фольклористов, не получило должного освещения. В 20-х годах текущего столетия под руководством одного из крупнейших фольклористов В. Стоина была проведена большая работа по записи народных песен, в которой, однако, создателям и исполнителям их уделялось незначительное место.

За десять лет существования в Болгарии народно-демократического строя, когда освобожденные трудящиеся массы стали активными участниками и строителями новой жизни и возрос естественный интерес к самим создателям богатого народного творчества, проведена большая работа по его изучению и разработке. Много сделано для выявления народных талантов, изучения жизни и творчества народных певцов, сказителей, популяризации их произведений.

Народная песня в Болгарии являлась неотъемлемым спутником трудового болгарского народа на протяжении его многовековой истории, она поддерживала его силы и звала на борьбу в эпоху турецкого гнета, в годы фашистской реакции.

Систематически проводимые в Болгарской Народной Республике смотры художественной самодельности демонстрируют наряду с другими видами искусства большую живучесть народной песни и танца. Народная песня в наши дни прекрасно сохраняется в юго-восточной Болгарии, Родопских горах; село Бистрица Софийской области славится своим музыкальным фольклором. С целью систематического изучения музыкального искусства в 1950 г. в составе Болгарской Академии наук был создан Институт музыки, одной из основных задач которого является собиране, хранение и исследование болгарского народного песенного творчества, народных музыкальных инструментов, игр, танцев.

Институт этнографии, имея в своем составе специальную секцию фольклора, в сотрудничестве с Институтом музыки и Союзом болгарских писателей, также проводит большую, плодотворную работу по изучению болгарского фольклора.

В 1946 г. по поручению Союза болгарских писателей поэт Дмитрий Осинин проводил запись репертуара народного певца Вичо Илиева Бончова. В 1950 г. вышел сборник народных песен Вичо Бончова, включающий 32 песни из репертуара певца и вступительную статью Д. Осинина, характеризующую подробно его жизнь и творчество¹⁰. В 1951 г. народный певец был избран в члены Союза болгарских писателей. За годы народно-демократического строя был издан ряд сборников болгарского народно-поэтического творчества, отражающих большую работу, проделанную в этой области¹¹.

Рецензируемый журнал на своих страницах помещает две статьи, посвященные вопросам болгарского народного творчества, которые иллюстрируют плодотворную работу Института этнографии в этой области.

В задачу статьи Цветаны Вранской входит исследование жизни и творчества народного певца из села Маслово Софийской области Атанаса Кирова Коцева (дядо

¹⁰ В. Бончов, Израсло дърво високо, Народни песни. Записал и редактировал Д. Н. Осинин, София, 1950, стр. 215.

¹¹ Г. Керемидчев, Български народни песни, Лирика и епос, София, 1948, стр. 210; Българско народно творчество, Сборник статии под ред. на Г. Керемидчева, София, 1950, стр. 287; Ела ее вие превива, Родопски народни песни. Записал В. Примовски, София, 1952, стр. 231; В. Вълчев, Пустата хурка дрянова, Народни хумористични песни, София, 1952, стр. 198; И. Качулев, Български народни песни за Русия и Светския Съюз, София, 1953, стр. 153; Гороле, Майко хайдушка, Сборник хайдушки народни песни, Съст. И. Бурин и Д. Осинин, София, 1953, стр. 302.

Мано)¹². Песенный репертуар дядо Мано был почти полностью записан авторами статьи осенью 1949/50 г., мелодии его песен были записаны сотрудником института музыки Болгарской Академии наук. Еленой Стоин.

Софийская область — один из центров бытования народных песен, многие из которых вошли в опубликованные в 1942 и 1949 гг. «Сборники народных песен»¹³ и ряд других изданий. В отличие от других сел, песни из Софийской области в основной своей массе носят эпический характер, большое место занимают юнацкие песни. Однако, как удалось установить автору рецензируемой статьи, в указанные сборники не вошли песни из села Маслово.

Атанас Коцев, певец-непрофессионал, родился в бедной сельской семье. Получив четырехклассное сельское образование, он вынужден был многие годы батрачить в чужих селах. С 1912 г. работал на железной дороге, был активным членом Болгарского земледельческого союза, участником первой мировой войны, Сентябрьского восстания 1923 г.; после 9 сентября 1944 г. принимал деятельное участие в организации ТКЗХ в своем родном селе и был его первым председателем.

Атанас Коцев — не только певец-исполнитель, но и сочинитель. На формирование его творчества большое влияние оказала живая фольклорная традиция, ее эпический характер. В его репертуаре преобладают песни политического и исторического содержания. Цветана Вранска в первой части статьи дает подробную биографию народного певца и общую характеристику его творчества, в последующих главах рассматривает песенный репертуар певца, особое внимание уделяя творчеству дядо Мано после 9 сентября 1944 г. Не ограничиваясь сюжетной характеристикой творчества народного певца, автор статьи рассматривает его в тесной связи с биографией последнего, с его политическими взглядами. Такой метод дает автору возможность наметить периоды расцвета и спада в творчестве народного поэта. Так, после подавления Сентябрьского восстания 1923 г. Атанас Коцев отходит от политической жизни страны, оставаясь в стороне от нее и в годы борьбы против фашизма. Это отражается и на творчестве поэта, переживавшем временную застой. Освободительная война болгарского народа, установление народно-демократического строя вызывают мощный расцвет творчества, включившегося, несмотря на свой преклонный возраст, в общественную жизнь. В его произведениях находят отражение участие Болгарии в войне против фашистской Германии, организация ТКЗХ, первый коллективный сев, помощь советского народа в восстановлении народного хозяйства Болгарии.

Автором статьи проведена кропотливая работа по изучению лексики певца, выделению в его песнях многочисленных новообразований и типичных для традиционного народного творчества поэтических приемов. Проведя детальный анализ репертуара певца, в котором он выступает только как исполнитель, автор приходит к выводу, что исполняемые Коцевым песни о королевиче Марко в основном заимствованы им из сборника Стояна Попова «Королевич Марко, народная эпическая поэма», опубликованного в 1901 г. Однако и при исполнении произведений других авторов певец не повторяет их текстуально, а творчески перерабатывает, вводя много народных выражений. В приложении к статье даны две песни, сочиненные Атанасом Коцевым.

Е. К. Теодоров в статье «Исторические наслоения в одной болгарской эпической песне»¹⁴ на примере песни о королевиче Марко и жестокой Базиргяне, записанной в 1887 г. в селе Врыбница Софийской области, прослеживает процесс «исторической конкретизации» в народной эпической песне, по определению автора, «являющейся основной движущей силой в развитии любой песни».

Василий Маринов, автор статьи «Переселенческие движения в Лудогорие (Делиормане)»¹⁵, известен своими исследованиями этой обширной области северо-восточной Болгарии. Данная статья является дополнением к ранее опубликованной работе автора¹⁶. Статья, очень насыщенная конкретным материалом, снабженная тремя картами, представляет интерес для исследователя этнического состава населения Болгарии. Лудогорие (Делиорман), некогда турецкий район, в настоящее время является областью со смешанным болгаро-турецким населением, при значительном преобладании первого. Автор рассматривает процессы переселения в Лудогорие с периода, предшествовавшего освобождению от турецкого ига, до 1934 г. Характеризуя переселенческие движения болгарского населения в Лудогорие из Добруджи, Румынии и других соседних стран («вышнии преселенчески движения»), автор рассматривает их по трем последовательным периодам: до 1877 г., с 1877 по 1900, 1900—1934 гг.

¹² Ц. Вранска, Дядо Мано — автор и исполнитель на народни песни от с. Маслово Софийско, «Известия», кн. I, стр. 143—192.

¹³ Ст. Ватев, Народни песни от Софийско, «Сборник за народни умотворения», т. 43, 1942; Г. Иванов, Народни песни и приказки от Софийско и Ботевградско, «Сборник за народни умотворения», т. 44, 1949.

¹⁴ Е. К. Теодоров, Наслоявания в една българска народна епическа песен, «Известия», кн. I, стр. 203—240.

¹⁵ В. Маринов, Преселенчески движения в Лудогорието, «Известия», кн. I, стр. 241—271.

¹⁶ В. Маринов, Делиорман (южна част). Областно географско изучаване, София, 1941.

Лудогорие издавна привлекало также переселенцев из городов и сел Болгарии. Как удалось установить автору и наглядно продемонстрировать на картографическом материале (см. приложенные к статье карты № 1—2), еще задолго до освобождения наблюдается движение населения из сельских районов и таких городов, как Коларовград (быв. Шумен), Разград, Сталин (быв. Варна), Нови Пазар, Тырново и другие, к границам Лудогория. После освобождения это движение заметно усиливается; в 1913—1914 гг. бывшие турецкие села Лудогория заселяются болгарскими переселенцами из Фракии, Македонии, Добруджи, малоплодородных старопланинских земель Болгарии. Лудогорие стало одним из крупных центров болгарского переселенческого движения. Хотелось бы в данной статье найти хотя бы краткую экономико-географическую и историческую характеристику края, что объяснило бы значение Лудогория как центра переселения.

Статья снабжена обширной таблицей, включающей статистические данные по 126 селам Лудогория.

Автор детально прослеживает в пределах каждого отдельного села число переселенцев и их первоначальное место поселения, оставляя, однако, без внимания социальный состав переселенцев. Комментируя карту миграционных движений, приложенную к статье, автор ограничивается замечанием о том, что «жители сел с более компактным и сознательным (!) болгарским населением переселяются до и после освобождения в села с турецким населением и покупают имущество выселяющихся турок»¹⁷; в другом месте автор вскользь замечает о проникновении мелкого капитала в села Лудогория.

В села Лудогория, очевидно, помимо эмигрантов и реэмигрантов, выселялись, с одной стороны, крестьянские семьи, не имевшие средств к существованию в родных местах, с другой — торговцы, ремесленники, зажиточные слои крестьянства в погоне за дешевыми свободными землями. Включение в статью данных об отдельных социальных группах повысило бы ценность статьи.

Послевоенная работа болгарских этнографов из-за отсутствия периодического органа не получала до сих пор полного освещения. Рецензируемый журнал отражает два основных направления в современной работе болгарских этнографов — изучение материальной культуры и народного творчества своего народа. Однако в Институте этнографии Болгарской Академии наук, повидимому, ведется более широкая работа. Хотелось бы, чтобы новый журнал имел хроникальный отдел, который мог бы своевременно и полно информировать читателей о всем многообразии повседневной полевой и кабинетной этнографической работы в стране.

Болгарская этнография имеет свою почетную историю; она внесла немало ценного в разработку отечественной и славянской этнографии. Однако довоенной буржуазной этнографии были свойственны ошибки и заблуждения. Одной из первоочередных задач болгарских этнографов является критическая переосценка на страницах печати прошлого болгарской этнографической науки.

И. Калоева

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

Джейн Уолш. *Так не должно быть*. М., 1954.

Вышедшая в 1954 г. в переводе на русский язык небольшая книжка английского автора Джейн Уолш «Так не должно быть» относится к произведениям художественной литературы, однако по своему содержанию она заслуживает внимания и этнографов, особенно тех из них, которые занимаются этнографией народов Западной Европы. Книга эта — повесть о жизни рабочей семьи в современной Англии, рассказанная простой английской работницей. Ярко и правдиво изображены в ней положение английского рабочего класса, его повседневный быт, условия труда в настоящее время.

Английские этнографы мало интересуются изучением современной жизни своего народа. В опубликованных за последние годы исследованиях, посвященных этнографии народов Британских островов, в статьях, помещенных в английский журнал «Фольклор», основное внимание сосредоточивается на выявлении и анализе тех пережитков отдаленного прошлого, которые сохраняются еще у части английского населения, на описании народных праздников, старых обычаев и пр. В них совершенно игнорируется современный быт английского народа и тем более жизнь английских рабочих, их положение в империалистической Англии, хотя хорошо известно, что нельзя полностью воссоздать картину жизни, показать специфические черты культуры крупных современных наций, не учитывая национальных особенностей рабочего класса, самого передового класса нации, сохраняющего лучшие традиции национальной культуры. В капиталистических странах лишь этот класс является ныне руководителем борьбы за подлинную демократию, за национальную независимость своего народа. Вот почему особенно большое значение имеет изучение условий жизни, быта и культуры рабочих

¹⁷ В. Маринов. Преселнически движение в Лудогорието, стр. 268.